

Аналитическая справка

Курдская проблема в геополитической стратегии Турции

Колесников П.М. (ИМОИиВ КФУ)

В современной системе международных и региональных отношений курдский вопрос существенно затронул не только национальные интересы Турции, но и сформировал зону нестабильности во всем Ближневосточном регионе, угрожающую, по мнению некоторых экспертов, национальной безопасности целого ряда государств. Для того чтобы, понять суть этого конфликта, вникнуть в его причины и, самое главное, предложить варианты возможного развития событий, необходимо обратить внимание на самих курдов, как один из крупнейших этносов, традиционно, населявших регион Ближнего Востока, их национальные проблемы, а также социально-политические устремления и региональные притязания.

Курды - народ с более чем тысячелетней историей, представляющий собой конгломерат многочисленных племенных групп, проживающих в основном в районах гор среднего и северного Загроса и в верховьях рек Тигр и Евфрат - в регионе, условно называемом Курдистаном, который в настоящее время расположен на территории Турции, Ирана, Ирака и Сирии. С лингвистической точки зрения, у курдов нет единого курдского языка, а представители различных племен говорят на многочисленных местных диалектах, которые относятся к северо-западной подгруппе иранских языков. Большинство курдов исповедует ислам суннитского толка, часть - ислам шиитского толка, также алавизм, езидизм и христианство. Официальных переписей курдов не проводилось, поэтому по весьма приблизительным оценочным данным, общая их численность составляет около 40 млн. чел., проживающих в Турции (18 - 20 млн.), Иране (8 - 9 млн.), Ираке (5 - 6 млн.), Сирии (около 3 млн.), странах Европы и Азии (свыше 2 млн.). Несколько сотен тысяч курдов проживают и на постсоветском пространстве, включая Россию (Иванов, 2017).

С древнейших времен курдский народ вел непрерывную борьбу за свою свободу и независимость. Эта борьба не сопровождалась как у большинства других народов установлением государственности, так как длительное время курды полностью зависели от имперских амбиций завоевателей (арабы, персы, татаро-монголы, османы и др.). Кроме того, этому процессу мешали, в первую очередь, внешние условия, так как Курдистан, занимая центральное геостратегическое положение на Ближнем Востоке, был постоянной ареной бесконечных войн и кровавых столкновений. В процессе этих войн курды несли огромные людские и материальные потери (Мирский, 2017).

Курдское национальное движение, борьба за обретение независимости прошли через ряд этапов. В XIX в. курды выступали за создание независимых курдских княжеств. По мере усиления и распространения курдского национализма сформировалась главная политическая цель движения – борьба за единое государство - независимый Курдистан.

Во второй половине XX-го в., в связи с обострившимся противоборством между арабским миром и Израилем и стремлением двух противостоящих друг другу в мире военно-политических блоков использовать его в своих интересах, появились предпосылки для возрождения курдского национального движения (Кудряшова, 2010).

Существует достаточно много внутренних и внешних факторов, препятствующих сегодня созданию курдского государства. К основным из них можно отнести: географическую и племенную раздробленность и разобщенность курдов, разный уровень их политического и социально-экономического развития в каждой из стран проживания, отсутствие единого курдского языка, общей политической платформы (партии, движения, фронта), общего национального лидера. Нет и внешних сторонников распада существующих стран и создания курдского государства (исключением можно считать лишь готовность США использовать в борьбе против иранского и сирийского режимов любые оппозиционные силы, включая националистические движения, к которым Вашингтон относит и курдов).

Кроме того, необходимо отметить, что США занимают неоднозначную позицию относительно национального движения курдов за свою независимость в Иране и Ираке с одной стороны, и в Турции, с другой, демонстрируя уже традиционно присущую им политику двойных стандартов. Да и в целом, непринципиальная позиция американцев в решении общекурдской проблемы фактически обостряет ситуацию в данном регионе.

Волна кровавых революций, начавшихся в Северной Африке в 2010 г., сегодня докатилась и до турецких берегов, а сирийский конфликт до предела накалил не только региональную, но и международную обстановку. Эти события, естественным образом, затронули и курдский вопрос. Об этом свидетельствуют последние события, происходящие в Сирии, граничащей с Турцией. Данное обстоятельство может послужить импульсом к новому всплеску выступлений курдской оппозиции и с большой вероятностью осложнить и без того непростую ситуацию, сложившуюся в турецком Курдистане.

Таким образом, не исключено, что в ближайшем будущем Анкара продолжит осуществлять попытки дифференциации внутренних и международных аспектов курдской проблемы, стараясь предотвратить усиление на севере Ирака независимой курдской автономии. То же самое касается и приграничных сирийско-турецких территорий, где активно хозяйничают банды, так называемых «серых волков», якобы защищающих интересы проживающих в этих районах туркоманов. Ведь если степень курдской автономии вблизи турецкой границы будет расширяться, то рано или поздно это приведет к росту курдского сепаратизма внутри самой Турции, что собственно говоря, мы уже можем наблюдать по серии террористических актов в крупных турецких городах, совершенных, по мнению Анкары, боевиками РПК (Рабочая партия Курдистана), которые, как ни странно, остаются одной из ключевых сил, противостоящих террористам ИГИЛ и Джебхат ан-Нусры в Ираке и Сирии.

Так, каковы же причины курдской проблемы на турецкой земле?

По мнению некоторых отечественных исследователей, суть курдской проблемы в Турции состоит в экономической отсталости курдских районов, в политическом бесправии курдского народа, медленном развитии его общественной и культурной жизни. Турция не признает существования на своей территории курдского меньшинства. Турецкие правящие круги запрещают критиковать пропагандируемую ими политику отрицания курдской идентичности и существования курдов как особого этноса. В стране преследуются представители прессы и демократических сил, пытающиеся инициировать широкое участие общественности в обсуждении курдской проблемы (Кудряшова, 2010).

Курдское население живет компактно, что способствует сохранению национальных традиций. Играя роль культурного буфера между суннитской Турцией и шиитским Ираном, курды явились выразителем особой системы социально-политических и духовных ценностей. До сих пор родоплеменные и религиозные

структуры часто заменяют курдам национальную идентичность. Традиционная курдская элита, представленная религиозными и племенными лидерами, обладает заметным экономическим и, особенно, политическим и идейным влиянием на юго-востоке Турции. Продолжает сказываться влияние архаичных традиций, таких, как религиозная рознь между курдами-мусульманами, зороастрийцами, езидами и атеистами (к последним, как правило, относятся сторонники коммунистической Курдской рабочей партии), местничество, сословные и династические предрассудки, вождизм. Отсюда проистекают такие негативные явления в общественно-политической жизни, как политическая неустойчивость и междоусобные распри. Тем не менее, среди современных курдских лидеров появилось немало представителей демократического и левого направления. В результате их деятельности подрываются экономические позиции, и падает политическое влияние курдской светской и духовной знати, нарождаются современные социальные структуры. Вместе с тем, курдские организации включают в себя подпольные отряды боевиков, которые оказывают сопротивление не только турецким властям, но и некоторым курдским ага и шейхам. Наблюдаются политические контакты между курдскими национально-демократическими организациями и турецкими левыми силами. Кроме того, часть исламских радикальных объединений содержит значительный курдский элемент. Нежелание руководства Турции признать курдскую идентичность приводит к невозможности мирного решения курдской проблемы. Пока турецко-курдское противостояние носит национально-политический характер, но если оно перейдет в межэтнический конфликт – ситуация будет чревата кровавой гражданской войной.

Основным вызовом безопасности Турции является тот факт, что часть этнических курдов сочувствует призывающим к насилию сепаратистским группировкам, в первую очередь, Курдской рабочей партии (КРП). Используя силовые методы борьбы, КРП призывает турецкое руководство к демократическим переменам и соблюдению прав курдского меньшинства. Однако КРП является партией ленинско-сталинского типа, и ее заявленная цель – построение в «Курдистане» диктатуры пролетариата. КРП стремится к созданию модели этнического национализма, основанного на сознании исключительности по сравнению с другими этническими группами Турции. Лидирующая в национально-освободительном движении партия тоталитарного толка после гипотетического прихода к власти может оказаться агрессивно-националистической по отношению к другим национальным меньшинствам. И это тоже немаловажное обстоятельство.

Реализуя свои планы КРП организует массовые демонстрации и забастовки, нападения на турецкие правительственные структуры и представительства за рубежом. Боевые отряды КРП участвовали в столкновениях с подразделениями турецкой армии и полиции на населенной курдами территории юго-восточной Турции. Но наибольший размах курдское движение обрело в виде организованных вооруженных выступлений и партизанской борьбы в восточных и юго-восточных районах Турции.

Турецкое руководство заявляет, что КРП - экстремизм в самом худшем проявлении, это террористическая организация, ответственная за убийства гражданских лиц. Согласно заявлениям МИДа Турции, члены Курдской рабочей партии похищают детей с целью идеологической обработки и обучения в

тренировочных лагерях (Turkish Statistical Institute, 2011). КРП не только убивает мирных жителей, значительная часть которых курдского происхождения, но и подрывает гражданскую инфраструктуру с целью превращения региона в непригодный для жизни. Хотя большинство терактов были предприняты против жителей юго-востока, были также совершены атаки на столицу и туристические зоны. КРП уничтожает школы, поджигает леса, взрывает железные дороги и мосты, минирует автотрассы (Turkish Statistical Institute, 2011). КРП не раз обещала начать трубопроводную войну против транспортировки каспийской нефти по турецкой территории. Таким образом, угрозы лидеров КРП, транслирующиеся в курдских СМИ, выдают истинные намерения организации.

Несмотря на то, что КРП (и ее боевое крыло) подчеркивает, что она отстаивает права неимущих и обнищавших слоев населения, она финансирует террористические структуры, СМИ (периодическую печать, теле- и радиовещание), а также ведет антитурецкую пропаганду за рубежом. Приводя документированные факты, правительство Турции выделяет в качестве источников доходов КРП следующие: вымогательство (в основном, у турецких бизнесменов); шантаж; грабежи; доходы коммерческих учреждений организации; деньги, вырученные от наркотрафика, контрабанды оружия и торговли людьми; нелегальная транспортировка рабочей силы (Turkish Statistical Institute, 2011). Турецкие власти постоянно подчеркивают, что борьба с Курдской рабочей партией является частью борьбы с мировым терроризмом.

Анкара отказывается от инициатив начать политический диалог с КРП. Курдские активисты подвергаются арестам, обвиняясь в подрыве стабильности в государстве. В ряде случаев курды пытаются бороться за свои права и легитимными методами, подавая иски против властей Турции в Европейский суд по правам человека.

Острота курдского вопроса в Турции во многом связана как с бескомпромиссностью оппозиционных официальным властям курдских политических организаций, так и с жесткостью национальной политики властей. В свою очередь, большинство турецких граждан поддерживают жесткие методы борьбы с курдскими экстремистами.

В последние годы в связи с изменившейся ситуацией в Ираке курдскими активистами озвучиваются идеи о создании федерации турок и курдов или о предоставлении курдам автономии. Однако призывы к предоставлению курдским районам автономии квалифицируются турецкими властями как нарушение целостности государства. Анкара выступает против любой формы автономии, тем более, независимости курдских районов. Более того, все мероприятия турецких властей направлены на ассимиляцию курдского населения. Официальная стратегия Анкары в курдском вопросе основана на концепции пантюркизма, подразумевающей процесс тюркизации курдов. В частности, курдский язык запрещено использовать в общественной и политической деятельности. Получение образования возможно только на турецком языке.

Таким образом, власти Турции активно ассимилируют курдскую молодежь через вовлечение в турецкую систему образования. Между тем, очевидно, что насильственное навязывание курдам турецкой культуры, языка, обычаев еще более осложняет ситуацию на юго-востоке Турции. Длительный запрет на курдский язык привел к всевозрастающей безграмотности среди курдского населения. В определенной мере, культура и традиции курдов находятся под угрозой. Политика турецких властей подтверждает, что курдское наследие на территории страны не рассматривается в качестве «своего», а считается инородным (Кудряшова, 2010).

Кроме того, следует указать на неоднозначность позиций в выборе методов для решения курдского вопроса в Турции со стороны политической элиты. Если правительство, в какой-то степени готово идти на минимальные уступки курдскому меньшинству. Скажем, в расширении прав и свобод, то совершенно иной взгляд на курдский вопрос наблюдается в рядах турецкого генералитета, лоббирующего силовое решение данной проблемы. Турецкая военная элита и националистически настроенные политики считают, что предоставление широких свобод курдам угрожает территориальной целостности страны. Волна курдского террора вывела Партию националистического действия («серых волков») из маргинального слоя турецких экстремистов и привела их к успеху на парламентских выборах. Националисты в Турции прошли в парламент под лозунгами подавления курдских выступлений, способных перерасти в восстание. При этом многие турецкие политики считают, что в значительной степени курдское сопротивление инспирируется извне США и Евросоюзом. Действительно, начато курдское сопротивление было не турецкими курдами, а диаспорой. Особенно активно проявила себя многочисленная диаспора турецких курдов в Западной Европе. Поэтому Турция выступает категорически против вмешательства в курдский вопрос стран, где проживают диаспоры курдов.

С экономической точки зрения, необходимо отметить, что бюджеты населенных курдами провинций являются самыми дефицитными среди всех провинциальных бюджетов Турции. Юго-восточная часть страны – наиболее отсталый в экономическом отношении район с суровыми географическими и климатическими условиями. При этом турецкие власти подчеркивают, что ответственность за депрессивное состояние экономики в курдских районах в значительной мере несет Курдская рабочая партия, которая задает политическую расстановку сил в регионе. Курдское население Турции остается в состоянии нищеты и упадка. Несмотря на некоторые экономические успехи администраций курдских земель, не была решена главная задача – создание платежеспособного среднего класса. Основная масса курдского населения – крестьянство. Нестабильное политическое положение и, в связи с этим, отсутствие инвестиционных ресурсов в курдских районах препятствуют их промышленному развитию. Инфраструктура в курдских районах развита слабо, что не позволяет создать достаточное количество рабочих мест. Промышленная отсталость курдского региона Турции подталкивает к воспроизводству традиционных структур курдского общества, которые, в свою очередь, препятствуют этнической ассимиляции. Главными проблемами экономики населенных курдами провинций являются нехватка инвестиций, неадекватное управление со стороны центрального правительства и высокий уровень безработицы. Средний уровень безработицы в населенных курдами провинциях составляет 12% (МИД Турции, 2017). Занятость по секторам экономики распределена в среднем следующим образом: 27% населения занято в сельском хозяйстве, 16% - в промышленном производстве, 57% в сфере услуг, в основном это сезонная работа в туристических зонах (МИД Турции, 2017). Тяжелое экономическое положение, отсутствие рабочих мест, последствия вооруженных конфликтов являются основными причинами миграции населения из курдских провинций. Лишенные средств существования курды устремляются в крупные города, а также за границу. Однако принуждаемое к миграции население ведет, как правило, традиционное хозяйство и не приспособлено к жизни в городах,

где курды заняты преимущественно малоквалифицированным трудом. Таким образом, происходит маргинализация и люмпенизация курдского общества. В том числе, и по этой причине, многие проживающие на юго-востоке курды одобряют терроризм, поскольку не видят для себя будущего в Турции (Кудряшова, 2010).

Однако существуют и положительные моменты. С приходом к власти Партии справедливости и развития, турецкое правительство разработало и начало претворять в жизнь программу модернизации и повышения уровня жизни населения, создания новых рабочих мест на юго-востоке страны. Данная программа нацелена на изменение социально-экономической структуры курдского общества, структуры занятости населенных курдами территорий и стимулирование миграционных процессов. Но основной целью турецких властей является более тесная интеграция этого региона с другими частями Турции и использование создаваемой инфраструктуры для разрешения курдского вопроса. Планируется выделять из государственного бюджета средства для финансирования развития промышленности и сельского хозяйства в курдских районах. Турецкие власти ожидают, что ощутимый рост ВВП региона нивелирует разрыв показателей среднедушевых доходов в среднем по стране и на юго-востоке. Кроме того, известно, что Правительство Турции, сталкиваясь с проблемой низкого уровня частных инвестиций, выделяет большие государственные средства на экономическое развитие района, так как это поможет искоренить влияние КРП на местное население.

Однако, несмотря на положительные сдвиги в экономической ситуации на юго-востоке Турции, Анкара допустила и ряд просчетов. В частности, стремясь завоевать доверие среди курдского электората, правительство начало назначать на местные административные должности этнических курдов. Данный фактор наряду с открытием экономики для инвестиций курдского капитала привел к появлению, так называемой, «курдской мафии». В результате курдский бизнес стал дополнительным источником финансирования и вооружения, скрывающихся в горах юго-востока террористов. Причем, даже имея доходное рабочее место на западе или юге Турции, большинство курдов поддерживают и одобряют движение за независимость курдских территорий. Одновременно курдских политических лидеров не устраивает сценарий снижения радикализма национального движения на базе повышения уровня экономического благосостояния в регионе. Иными словами, политическое решение проблемы не может подразумевать перемирие с КРП, однако оно должно включать в себя ряд экономических, политических и социальных проектов, которые ликвидируют саму проблему. Курдский вопрос можно решить только в долгосрочной перспективе повышением уровня образования среди курдского населения, которое не связывает уровень своего благосостояния с принадлежностью к турецкому государству (Кудряшова, 2010).

Говоря о влиянии «иракского» фактора на курдскую проблему стоит отметить, что с момента образования курдской автономии (Иванов, 2017) на севере Ирака КРП активизировала антитурецкую деятельность в приграничных районах на турецко-иракской границе, существенно возросло число вооруженных нападений на подразделения турецкой армии и жандармерии. Несомненно, возросшая активность в турецкой Восточной Анатолии террористов КРП, базирующихся в Северном Ираке, грозит спровоцировать в регионе серьезный кризис. Вместе с тем, в случае деморализации и роспуска Курдской рабочей партии на территории Турции политический и идеологический центр курдского сопротивления переместится в Ирак, в котором курды обладают более широкими правами и возможностями политико-правового свойства. Кроме того, Иракский Курдистан пользуется стратегическим

покровительством Вашингтона, что в перспективе может удержать Анкару от прямой военной агрессии.

На фоне подобной политической и экономической автономии региона высказываются предположения о возможном отделении Курдистана от Ирака, даже вопреки желанию самих курдов. Однако этот вариант может иметь место в случае распада иракского государства. Составленное искусственно из трех разнородных частей – шиитского юга, суннитского центра и курдского севера, это государство со времени своего возникновения в 1921 г., так и не сумело интегрироваться в единое целое, а единственным связующим эти территории звеном была авторитарная диктатура арабо-суннитского меньшинства. Амбициозная американская идея превратить Ирак в демократическое государство не находит опоры в арабском обществе. Негативное отношение США к шиитам, явная дискриминация суннитов, нестабильная жизнь иракцев в условиях оккупации, а также непрекращающиеся региональные конфликты, вызывают у населения Ирака растущее возмущение. В этой ситуации США будут вынуждены продолжать укреплять свои отношения с лояльным курдским севером, что, как уже было отмечено ранее, будет являться гарантией от угроз со стороны Турции (Степанова, 2005).

Тем не менее, в последнее время турецкий Генеральный штаб настойчиво «проталкивал» решение о начале боевых действий в Северном Ираке с целью устранения угрозы безопасности Турции со стороны базирующихся на иракской территории и совершающих вооруженные вылазки курдских боевиков. По турецким данным, активистов КРП финансирует и снабжает оружием администрация курдских провинций Ирака. Первые точечные операции вблизи иракской границы турецкая армия начала, не дожидаясь санкции парламента. Однако уже в октябре 2007 г. парламент Турции санкционировал проведение антитеррористической операции в Северном Ираке против КРП. Этот момент можно рассматривать как вынужденную уступку генералитету в ответ на лояльность к избранию президентом представителя не военных кругов, а исламской партии. Одновременно по всей стране прошли многотысячные демонстрации в поддержку разгрома боевиков, укрывающихся в курдских провинциях Ирака (Кудряшова, 2010).

В феврале 2008 г. вооруженные силы Турции провели масштабную трансграничную операцию, направленную на ликвидацию военных баз Курдской рабочей партии на севере Ирака. О проведении операции турецкие власти заранее оповестили американскую администрацию. Турецкие власти заявили, что определения временных рамок для военной операции не будет, войска не уйдут из северных районов Ирака до тех пор, пока не будет устранена угроза со стороны курдских боевиков. С этого момента турецкое командование регулярно проводит, в основном, небольшие военно-воздушные операции с целью ликвидации террористических баз на иракской территории. В тоже время, на территории Турции не прекращаются теракты, организованные КРП. Турецкий парламент уже несколько раз продлял мандат на проведение военных операций против курдских боевиков на севере Ирака.

Очевидно, то война с КРП даст мощный толчок движению сопротивления во всем Ираке, в результате чего, конфликт может принять еще более затяжную форму и привести к окончательному распаду государства. Однако сомнительно, что Турция в

ближайшем будущем может начать широкомасштабную операцию в Северном Ираке. Вероятнее всего, речь может идти о нанесении ударов по местам базирования боевиков и проведении точечных операций, предусматривающих ликвидацию лидеров КРП и уничтожение инфраструктуры движения. Особенно это вполне допустимо, в условиях активного участия курдских отрядов «пешмерга» в сирийском конфликте на стороне Башара аль-Асада и укрепления их политических позиций в регионе в целом (Степанова, 2005).

Таким образом, не исключено, что в ближайшем будущем РПК не откажется от вооруженной борьбы. По крайней мере, до тех пор, пока позиции курдского национализма в Турции не укрепятся настолько, чтобы переговорный процесс с сильных позиций могли проводить сами курды. В настоящее время ресурсов для этого недостаточно, но ситуация в регионе может способствовать усилению турецких курдов. Достаточно посмотреть на регион Ближнего Востока, чтобы убедиться в возможности подобного сценария: за последние десятилетия курды смогли сформировать дееспособные армии во всех четырех частях исторического Курдистана. Свои боевые организации есть у сирийских курдов, курды из Партии свободной жизни в Курдистане укрепили свои позиции в Ираке и сейчас уже активно действуют в Иране. Все это только ставит дополнительные вопросы о перспективности сегодняшнего переговорного процесса. Насколько сегодняшние события могут стать прологом решения курдского вопроса в Турции? Или же это будет лишь определенной паузой для сосредоточения сил перед следующим этапом турецко-курдского противостояния?

Источники.

- Иванов, С.М. (2013). 'Курдская проблема и возможные варианты ее решения' [Электронный ресурс]/<http://ru.journal-neo.org/2013/05/28/kurdskaaya-problema-i-vozmozhny-e-varianty-ee-resheniya/>(Дата обращения: 15.03.2017).
- Кудряшова, Ю.С. (2010). 'Региональная безопасность Турции в контексте курдской проблемы' //Вестник МГИМО Университета. №1. (с. 1-7). Москва. Россия.
- Мирский, Г.И. (2011). 'Курдская проблема'/ [Электронный ресурс]<http://www.easttime.ru/analitic/3/6/998.html>. Дата обращения: 17.03.2017.
- Turkey's Statistical Yearbook. Turkish Statistical Institute, 2011. P. 167. Анкара. Турецкая Республика.
- МИДТурции:[Электронныйресурс]<http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/Terrorism/htm>. Дата обращения: 17.03.2017. Анкара. Турецкая Республика.
- Степанова, Н.В. (2005). 'Курдская проблема в Ираке'// Аналитические записки НКСМИ МГИМО (У). Центр ближневосточных исследований. № 10(12). (с. 34). Москва. Российская Федерация.